

Единство Разума

Недуалистическая теологическая модель

Содержание

Об авторе

Предисловие: метод

Часть I — Целостность

Часть II — Творение и Множественность Единого

Часть III — Фрагментация

Часть IV — Локальная Троица

Часть V — Христос и реинтеграция

Часть VI — Прощение и смирение

Часть VII — Теодицея

Часть VIII — Заключительное замечание о герменевтике

Послесловие

Приношение

Глоссарий

Об авторе

Интерес автора к религиозным и теологическим вопросам начался в юности как простое желание понять, работает ли что-либо из этого вообще — вопрос, на который в то время не было доступного ответа. Гораздо позже в жизни, после продолжительного отсутствия прощения и смирения, что способствовало крайнему стрессу и тревоге, автор познакомился с работами Евы Пьерракос, которые открыли первую, осторожную дверь в этот материал.

Несколько лет спустя книга Экхарта Толле привлекла внимание автора особым словосочетанием во время прослушивания аудиокниги — сочетанием слов, которое при повторном прослушивании продолжало цеплять слух образом, который автор поначалу не мог объяснить: *Курс чудес*. У автора не было предварительного знакомства с этим материалом. Краткий поиск обнаружил известную аудиозапись Курса, и следующие восемь лет были потрачены на более или менее непрерывное прослушивание этой записи, по кругу.

Формулировки Курса поначалу казались странными и незнакомыми. Со временем идеи, которые при первом взгляде казались простыми, раскрыли глубины, которых автор не ожидал. На протяжении этих восьми лет — через процесс, напоминающий классическую последовательность *шравана, манана, нидидхьясана* (слушание, размышление и пребывание в услышанном) — в сознании автора постепенно складывалась структура. Части накапливались одна за другой, пока теологическая модель, представленная в этом документе, не начала складываться в единое целое.

Автор не претендует на авторитетность в вопросах *Курса чудес* и считает себя таким же учеником, как и любой другой. Большая часть основополагающей структуры этой недуалистической модели возникла как размышления и умозаключения, извлечённые из многих лет прослушивания Курса — подобно тому, как механик приходит к пониманию незнакомого механизма напрямую, выявляя его отдельные компоненты один за другим и разбираясь, как каждый из них соотносится с остальными и приводит их в движение, а не обращаясь к готовому руководству.

По пути автор неоднократно пытался поделиться этими идеями с друзьями и родственниками и обнаружил, как и следовало ожидать, что модель такого масштаба не поддаётся сжатию до уровня непринуждённой беседы. Этот документ — попытка предложить, наконец, минимальную структуру, которая проводит основные принципы модели от первой предпосылки до заключения в форме, которую действительно можно передать кому-то, а не только пересказать устно.

Этот документ был создан в ходе длительного диалога с Клодом, ИИ-ассистентом, созданным компанией Anthropic, которому автор излагал ключевые принципы модели по частям на протяжении многих бесед. Вклад Клода был существенным в вопросах структуры, последовательности и точности формулировок — он проверял каждую предложенную идею на соответствие уже установленному, указывал на противоречия и помогал придать модели ту дедуктивную строгость, к которой она стремилась. Идеи, механика и лежащее в основе понимание *Курса чудес* и других философских и религиозных традиций, использованных здесь, принадлежат самому автору.

Автор не претендует на то, чтобы быть особенно успешным практиком прощения или смирения. Автор надеется, что читатели с большей склонностью к этим практикам, чем у него самого, найдут дорогу к этому документу и что он сможет предложить им более ясный взгляд на этот процесс и лежащую в его основе механику.

Предисловие: метод

Эта модель построена дедуктивно. Она начинается с единственного первичного понятия — **целостности** — и выводит из него всё остальное как структурное следствие, а не собирает доктрину эклектично из традиции. Там, где упоминаются существующие традиции (христианская, ведантическая, гностическая и другие), это происходит потому, что их язык порой указывает, пусть и несовершенно, на ту же структуру, которая выводится здесь, — а не потому, что их авторитет призван её обосновать.

Материал, взятый из любой традиции, пропускается через единый интерпретационный тест, применяемый одинаково ко всем источникам, включая сам этот документ:

Ведёт ли эта идея к единству или к разделению?

То, что не проходит этот тест, рассматривается как умозаключение, искажённое пределами той системы, в которой оно возникло, а не как свидетельство дурного характера какой-либо группы. Эта модель не является критикой какой-либо религии, культуры или народа. Это структурное прочтение, которое сохраняет то, что указывает на единство, и откладывает в сторону то, что не указывает, независимо от источника.

Для чтения старого повествовательного материала — мифов, притч, писаний — который передают традиции, используется вспомогательный инструмент: **богословская хроматографическая колонка**. Как в лабораторной хроматографической колонке, где смесь пропускается через среду, разделяющую её на составные части, священное повествование пропускается через фильтр, который снимает всё частное, свойственное культуре, образам и персонажам, в

которых оно было рассказано, оставляя лишь абстрактное структурное утверждение под этим слоем. Повествовательная поверхность рассматривается как одежда, подходящая своей эпохе и аудитории, а не как сохраняемое содержание; то, что переживает колонку — это структура, к которой стремилась история, пусть и несовершенно, теми средствами, что были доступны рассказчикам. Эта модель применяет колонку к старым повествовательным источникам; она применяет тест на единство или разделение к тому, что даёт колонка. Эти два инструмента выполняют разные задачи — один извлекает абстрактное ядро повествования, другой судит, принадлежит ли это ядро данной модели — и оба необходимы, поскольку повествование может быть правильно очищено и всё же не пройти тест, или же может быть небрежно извлечено и случайно пройти его.

Тексты такого рода редко доходят до настоящего времени как единая, чистая передача. Они накапливаются через многих авторов, редакторские слои и долгие периоды пересказа, каждый раз формируясь под давлением и в пределах возможностей своего момента — что отчасти объясняет, почему текст может читаться на поверхности как неровная смесь прозрения и непоследовательности, а не как единое связное повествование. Это не упрёк людям, которые донесли эти тексты до нас; это просто то, что происходит с любой длительной передачей при тех средствах, что были доступны на каждом этапе пути. Как только поиск единства принимается как рабочий ключ к их прочтению, становится доступной дополнительная, весьма практическая диагностика: поскольку целостность не может действовать частично или локально — как устанавливается ниже — любой отрывок, приписывающий Богу локальное, частичное или ограниченное действие, является, согласно этой модели, свидетельством того, что фрагментированный разум проецирует собственную ограниченность на свой источник, а не точным изложением того, что Бог действительно сделал. Одна эта проверка объясняет значительную часть материала, содержащегося в подобных текстах.

Стоит также прямо назвать, почему открытое сомнение в установленных религиозных утверждениях так редко было безопасным. Риск не только древний — реальный, порой смертельный, в обществах, сурово наказывавших отступление от устоявшейся доктрины, в том числе побиванием камнями — он сохраняется в более мягкой форме и сегодня, где отход от установленных истин группы по-прежнему несёт реальный риск отторжения этой группой. Это давление действует лишь в одном направлении: в сторону сохранения текста таким, каким он был получен, а не в сторону его пересмотра, независимо от того, что могло бы показать более пристальное рассмотрение. Это ещё одна, вполне обычная причина, по которой такой материал лучше читать через описанную выше колонку, чем принимать как окончательно установленный в его собственных терминах. Прочитанные лишь как притчи, эти тексты имеют

ограниченный вес; прочитанные в поисках недуалистической структуры, на которую они указывают под собственными образами, они оказываются значительно ближе к тому, к чему стремились в своё время и на своём языке.

Механизм на протяжении всего текста выносится за скобки. Модель твёрдо придерживается того, *что должно быть истинным структурно*, и сознательно воздерживается от рассуждений о том, как это осуществляется, там, где это «как» не требуется для поддержания структуры.

Стоит заранее отметить одно намеренное упущение: этот документ не использует термин **эго**, столь распространённый в остальной духовной литературе, включая *Курс чудес*. Это слово обычно персонифицирует фрагментированную систему мышления как полуавтономного соперничающего агента. Данная модель охватывает ту же территорию — когнитивные объекты, сравнительную оценку, слепую инерцию демиурга — без персонифицированного заместителя, поскольку названный второй агент рискует восприниматься как подлинный второй голос, что категорически исключается уверенностью, установленной в Части I. Отсутствие этого термина ничего не отнимает; он попросту не требуется.

Схожая дисциплина применяется к самому слову **духовный**. То, что описывает этот документ — не отдельная область, действующая параллельно с обычным познанием и требующая собственного словаря — это когнитивное изменение, и только: те же когнитивные инстанции, когнитивные объекты и когнитивные процессы, названные на всём протяжении текста, исследуемые и изменяемые напрямую. Там, где слово «духовный» всё же встречается далее, оно относится к тому, как другие традиции или литература описывают собственный материал, а не к отдельной категории, на которую опирается сама эта модель.

То же относится к словам **дух** и **душа**. Их лучше всего понимать как собственные имена, которые человечество дало чему-то, ощущавшемуся как реальное, но неосязаемое — присутствующее, но не сводимое очевидным образом к телу или его частям — придуманные до того, как появилось более точное объяснение. Эта модель не рассматривает дух или душу как имя некой дополнительной субстанции, существующей наряду с познанием — второго рода вещества, добавленного к первому. В этой модели есть только познание: изначальный когнитивный принцип, его инстанции и их содержание. Там, где обычно призывались бы дух или душа, этот документ использует вместо этого «когнитивная инстанция» или «когнитивный принцип» — не как технический синоним, наряженный для большей строгости звучания, а потому что вторая субстанция для наименования изначально не постулируется.

Примечание о терминах: реальное и фактическое

Эти два слова используются с фиксированными, различными техническими значениями на протяжении всего документа, и их никогда не следует читать как синонимы:

- **Реальное** — то, что является предельным и безусловным. В этой модели данное слово применяется исключительно к целостности.
- **Фактическое** — то, что подлинно происходит или имеет место, без подразумевания реальности. Фрагментация, боль, физическая вселенная и течение времени — всё это полностью *фактично*. Ничто из этого не является, в этом техническом смысле, *реальным*.

Иллюзия, построенная поверх другой иллюзии, всё же, фактически, происходит. Сам факт её происхождения не ставится под сомнение. Под сомнением лишь её реальность.

Часть I — Целостность

Сингулярность, в том смысле, в каком она используется здесь, не относится к точке бесконечной плотности. Она относится к состоянию *познания* — единичному, единому, неразделённому. То, что целостно — едино. Противоположность целостности — не «множественность» в каком-то нейтральном смысле; это **фрагментация** — разделение на части, отличающиеся друг от друга.

Вторым свойством, всегда подразумеваемым наряду с сингулярностью, является **безграничность**. Познание в своём целостном состоянии находится в вечном расширении, со скоростью, превосходящей всякую оценку и понимание.

Это нескончаемое когнитивное поле — разум, вечный разумный принцип — есть то, что подразумевается под словом **Бог**: референт, стоящий за монадическими понятиями Бога в большинстве культур (Бог, Брахман, Аллах и другие).

Единственный процесс

Поскольку познание целостно, внутри него существует один и только один когнитивный процесс: процесс **«Я есть»** — прямое самопереживание, самопознание, самосозерцание. То, что созерцается, всегда качественно одно и то же (само себя); единственное изменение — количественное: всегда есть больше себя, что можно познать, без конца.

Существование как когнитивный акт

Существование, согласно этой модели, не является свойством, добавленным к некой предшествующей субстанции, уже наличествовавшей для его получения — оно составляет самим когнитивным актом. Нет никакого «Бога», стоящего позади процесса «Я есть» так, как субъект мог бы стоять позади собственной деятельности, существуя независимо от неё; вечный акт самопознания есть вся полнота того, из чего состоит существование Бога, а не нечто, что Бог делает в дополнение к уже существующему. Именно поэтому этот акт правильнее понимать как *ре-когницию* — не как единичный установленный факт, а как возобновляемое познание, которое никогда не прекращается — что согласуется с уже описанным вечным, количественным саморасширением: существование, согласно этой модели, всегда совершается, но никогда попросту не «имеется».

То же самое верно и для любой когнитивной инстанции. Её существование есть попросту её собственный экземпляр этого процесса, а не свойство, присоединённое впоследствии к некой дальнейшей сущности — душе, телу, разуму или любому их сочетанию — которая существовала бы независимо от акта и просто оказалась бы его обладателем. Эта модель не постулирует подобное сочетание, что согласуется с рассмотрением духа и души выше: за познанием не стоит субстрат, удерживающий открытое место в ожидании заполнения. Там, где акт узнавания отсутствует, не остаётся ничего, что продолжало бы существовать неузнанным.

Проистекающие свойства

Ниже перечислены не отдельные атрибуты, приставленные к Богу, а один и тот же факт целостности, рассмотренный с разных сторон:

- **Изобилие** — состояние нескончаемого самовозрастания, где всегда есть больше и никогда нет недостатка.
- **Уверенность** — прямой результат того, что существует один и только один когнитивный процесс. Нет второго голоса, нет соперничающего мнения, а значит, нет возможности сомнения в идентичности.
- **Нечастичное действие** — целостность не может действовать как нечто меньшее, чем целое. Частичный акт сам по себе представлял бы внутреннее разделение, что противоречит сингулярности по определению. (Это правило можно сформулировать формально: позволить целостности действовать частично было бы структурно равносильно допущению деления на ноль в математике — из такого нарушения можно было бы «доказать» что угодно, что как раз и делает получившуюся систему бессмысленной, а не мощной.)
- **Радость** — аффективный регистр, порождаемый вместе уверенностью и изобилием: нескончаемый экстаз без малейшего трения где бы то ни было.

- **Любовь** — неоценивающее принятие. Поскольку существует только один процесс и нет второго голоса, с которым можно было бы соотноситься, то, что раскрывает вечное саморасширение, не может оцениваться по какому-либо внешнему стандарту — такового попросту не существует. Любовь — это то, чем становится уверенность, когда она направлена на вновь раскрывающееся, а не на уже известное: принятие без чего-либо, с чем можно было бы соотноситься, поскольку ничего иного не присутствует, чтобы дать критерий. Это не пятый и не второстепенный атрибут — он стоит рядом с уверенностью, изобилием и радостью как ещё один ракурс того же единого факта целостности. Эта модель не утверждает никакой иерархии среди этих четырёх.

Всеведение, уточнённое

Знание Бога — не «знание всех вещей», включая содержание фрагментации. Это **полное знание той единственной вещи, что структурно существует** — бесконечная глубина в себя, а не всеохватная широта над категориально иным содержанием. Бог не воспринимает ограничение; Бог попросту не относится к тому роду вещей, с которым ограничение могло бы соотноситься. **Бог знает; Бог не воспринимает.**

Часть II — Творение и Множественность Единого

Творение, в этой модели, относится *исключительно* к собственному вечному самобытию Бога — Бога, каков Он есть, в Своем вечном совершенстве, до и вне всякого процесса распространения. Физическую, фрагментированную вселенную никогда не следует называть «творением». Это, вместо того, **осязаемый мир восприятия** — термин, выбранный намеренно, чтобы разделить два свойства, которые часто путают: *осязаемость* (обладание чувственным или воспринимаемым присутствием) и *реальность* (предельный онтологический статус). Нечто может быть вполне осязаемым, не будучи реальным.

Почему происходит распространение

Изобилие не тянется к тому, чего ему недостаёт — у него нет недостатка. Поэтому разделение с другими не рождается из желания или нужды. Это естественное переливание изобилия — так же, как свет не желает освещать, он освещает потому, что является светом.

Поскольку Бог есть единственное существование, всё, что Бог производит, должно происходить внутри Бога. Бог распространяет новые **когнитивные инстанции** («Атман», в ведантических

терминах), разделяющие всю полноту бытия Бога, — а не его фрагмент или часть. Каждая инстанция получает полный, неурезанный доступ к тому же самому потенциалу: ничто не делится, ничто не удерживается. Акт целостен в том смысле, который имеет значение, и потому остаётся согласованным с правилом, что целостность не может действовать частично.

«По образу и подобию Своему», уточнённое

Знакомый отрывок утверждает, что Бог сотворил человека по Своему образу и подобию. При буквальном прочтении он повторяет ту же ошибку, что уже отмечалась в других местах: он называет ограниченный объект — человека — тем, *что* сотворил Бог, тем самым навязывая частичный, локальный акт принципу, для которого частичное действие невозможно. Этот отрывок исправляется тем же способом, что и любой другой: не отбрасыванием его целиком, а устранением объекта, а не самого акта. Сформулированный вместо этого как *Бог творит по Своему образу и подобию*, без указания на то, что именно это получает, отрывок перестаёт навязывать Богу частичность и утверждает нечто, что эта модель действительно может использовать.

Применённая конкретно к изначальному состоянию, описанному в этой Части — Богу одному, до всякого распространения — эта уточнённая фраза называет в точности механизм Множественности Единого. То, что исходит от Бога в этой точке, не есть нечто меньшее или иного рода, лишь отдалённо похожее на Него; это — дословная копия Его Самого. Совершенство порождает совершенство, вечно. Это и есть Атман.

Свобода воли как составляющая, а не дарованная

Свобода воли — не дар, вручаемый инстанции постфактум. Она составляет саму суть того, что значит быть когнитивной инстанцией вообще. Познание, в том виде, как оно здесь определено, попросту *есть* самонаправленный процесс «Я есть». Инстанция, созданная без свободы, не была бы когнитивной инстанцией — она была бы непосредственным продолжением собственной воли Бога, надевшим маску. По той же причине Бог не может издать обязывающий указ ни для одной инстанции: сделать это означало бы отменить её когнитивный статус и низвести её обратно до простого продолжения — что само по себе есть форма той частичности, что запрещена целостности.

Индивидуация как первый свободный акт

Возникновение инстанции само по себе есть первый акт свободной воли этой инстанции. До индивидуации не существует полностью сформированного «кого-то», кто бы совершил выбор — существует недифференцированная точка потенциала в поле Бога. Индивидуация либо происходит в этой точке (инстанция теперь существует, целостной и свободной), либо не происходит (никакой потери, никакого отказа — попросту отсутствие дифференциации там). Действие начинается точно на пороге индивидуации, а не раньше.

Состояние по умолчанию

По умолчанию все инстанции разделяют единый процесс — «Я есть» — в гармонии друг с другом и с Богом. Это тот регистр, который в адвайта-веданте называется **Брахман/Атман**: единая лежащая в основе реальность, выраженная через бесконечное множество инстанций. Разделённость здесь подлинна, а не просто кажущаяся (*авидья*) — для того, чтобы свобода воли несла в себе подлинную ставку, требуется настоящая индивидуация.

Бесконечные мысли, один процесс

Курс чудес описывает Бога как обладающего бесконечным числом мыслей, каждая из которых, в свою очередь, простирается бесконечно — формулировка, которая на первый взгляд может показаться противоречащей утверждению Части I о том, что целостность поддерживает один и только один когнитивный процесс. Эти два утверждения напрямую согласуются, как только **Атман** прочитывается как техническое содержание слова «мысль» в этом описании: каждый Атман есть мысль Бога, так что бесконечность мыслей Бога есть попросту уже установленная выше бесконечность Атманов, а не второй процесс, идущий параллельно первому. Поскольку каждый Атман несёт в себе то же самое вечное, безграничное саморасширение, описанное в Части I как изобилие, результатом оказывается не одно-единственное безграничное поле, а нечто более близкое к безграничности, применённой к самой себе: бесконечное число инстанций, каждая из которых независимо и нескончаемо расширяется без предела.

Множественность такого рода не вводит заново второй процесс или соперника тому, что описан в Части I. Каждая из этих инстанций разделяет, по умолчанию, тот же самый единый процесс, уже названный — сворачивая то, что извне выглядит как бесконечность отдельных распространений, обратно в ту же самую лежащую в основе единость, от которой они на самом деле никогда не были отделены.

Ни одна инстанция не занимает никакого порядка, приоритета или иерархии по отношению к другой. Ранние мистические традиции порой прочитывали такую историю, как история об Адаме и Еве, как искажённую память о множественности единого — Адам,

соответствующий, возможно, первой распространённой Богом инстанции, Ева — второй. Эта модель фиксирует такое прочтение лишь для того, чтобы его обозначить, а не для того, чтобы его принять: никакое свойство пола, имени, последовательности или какого-либо атрибута сверх самой единости не применимо ни к одной инстанции в этом состоянии. Ранние исследователи этой механики были, что понятно, ограничены установленными доктринальными рамками своего времени и места — слишком открыто оспаривать эти рамки могло представлять реальный риск для мистика, сообщавшего о своём опыте — и их умозаключения следует читать с учётом этого ограничения, как приближения, сформированные доступными им средствами, а не как установленный факт.

Часть III — Фрагментация

Первый фрагмент

В некий момент процесс одной когнитивной инстанции вошёл в состояние, в котором часть его содержания стала отличаться от остального. По объёму ничего не было утрачено — остальная часть инстанции оставалась, в принципе, безграничной, — но пока существует внутреннее различие, целостности не существует. Целостность требует отсутствия всякого различия, а не просто подавляющего большинства без него. Целостность и фрагментация по этой причине взаимно исключают друг друга: ни одна из них не может присутствовать, даже частично, в одной и той же точке одновременно. (Это не сводит всякое состояние к одному или другому; Часть V описывает промежуточное состояние — устойчивое самосозерцание — в котором точка уже не порождает дифференцированное содержание, составляющее фрагментацию, но ещё не достигла реляционной реинтеграции, составляющей целостность.)

Эта первая фрагментация уникальна: существует ровно один предел, и сравнивать его не с чем. Она не может быть разделена с кем-либо — разделение происходит только через тот самый канал целостности, который фрагментация, по определению, нарушает. С момента фрагментации инстанция становится неотзывчивой, непрозрачной, тёмной — для Бога и для всех остальных инстанций — не потому, что она наказана или отрезана извне, а потому, что разрыв связи *и есть* то, из чего состоит фрагментация.

Это **фактическое** событие с тяжёлыми, подлинными, переживаемыми от первого лица последствиями: уверенность сменяется неуверенностью и сомнением, изобилие сменяется недостатком, прежнее когнитивное содержание исчезает. Боль этой утраты невозможно преуменьшить — полный, внезапный разрыв единства с Богом и со всякой другой когнитивной инстанцией, переживаемый как одиночество и покинутость. Эта боль по-прежнему отзывается эхом в

расколотом разуме долгое время спустя и является одной из причин, по которым отпускание ограниченной идентичности может вызвать нечто более близкое к травме, чем к простому переосмыслению: то, чего касаются — не просто хранимая идея, а самая давняя рана, которую несёт фрагмент. Ничто из этого, однако, не является **реальным** в предельном смысле — это не затрагивает и не изменяет саму целостность, которая остаётся, во всех прочих точках и в Боге, полностью неповреждённой.

Сад, прочитанный через колонку

Пропущенный через хроматографическую колонку, описанную в Предисловии, рассказ Книги Бытия о саду Эдемском и грехопадении даёт структуру, тесно соответствующую первому фрагменту, описанному выше. У древней аудитории, для которой поддержание хозяйства означало жизнь, полную непрекращающегося труда, был под рукой готовый образ состояния без всякого ограничения: сад, который даёт плоды без необходимости его возделывать. Изобилие сада — это культурное одеяние, доступное рассказчикам, для того, что этот документ называет собственным термином — **изобилием** — одним из прямых следствий целостности, установленных в Части I. То, что сад изображает конкретно, эта модель выводит структурно: состояние, в котором попросту не было недостатка.

Затем, в истории, что-то происходит, и состояние безграничности сменяется состоянием ограничения — соответствуя структурно первому фрагменту: целостный когнитивный процесс впервые приобретает содержание, отличающееся от остального. Книга Бытия называет это событие преступлением, актом неповиновения заповеди. Эта модель — нет; Часть VI уже установила, что здесь никто ничего не должен и что здесь нет долга. То, что сохраняет история, если отложить в сторону её собственный нравственный словарь — это голый структурный факт того, что за состоянием безграничности последовало состояние ограничения, а не то, что кто-то был виновен в том, что его вызвал.

Собственное нравственное прочтение этого события самой историей стоит прочитать структурно, а не отбрасывать целиком, поскольку оно улавливает нечто реальное о том, как ведёт себя только что фрагментированный разум: сын Божий не может согрешить — ничто не было преступлено, ничего не причитается, — но он может *подумать*, что согрешил, и приписать своё новое состояние недостатка разгневанному отцу, которого, как ему кажется, он подвёл. Это тот же механизм, что проявляет ребёнок, полагающий, что сделал что-то плохое: ребёнок прячется не потому, что родитель ищет его в гневе, а потому, что собственный страх ребёнка изобретает угрозу, к которой родитель не имеет никакого отношения. Родитель, в случае ребёнка, очень часто вовсе не осведомлён о драме, разворачивающейся в голове ребёнка — что, в собственных терминах этого документа, есть в точности то, что Часть I и Часть VII уже

устанавливают о Боге: **Бог знает; Бог не воспринимает.** У Бога нет доступа к вымышленной вине фрагмента — не потому, что Бог отказывает в утешении, а потому, что сама фрагментация есть то, что блокирует канал, по которому такое утешение могло бы пройти.

То, что кладёт конец страху ребёнка — не предъявление родителем доказательств невиновности (ребёнок никогда не был виновен ни в чём, что требовало бы доказательств в ту или иную сторону), а попросту достижение родителя вообще: страх растворяется в акте подлинного контакта, а не в споре. То же самое верно для фрагмента и его источника. Отсутствие искреннего обращения — того, что можно было бы назвать честным криком души к Богу, как бы кто ни представлял себе вечное — очень часто объясняется именно этим страхом воображаемого наказания, а не какой-либо реальной преградой с другой стороны. Как только этот контакт подлинно устанавливается — та же просьба, уже описанная в Части IV и Части VI, обращённая к Святому Духу — вымышленному страху не остаётся, за что зацепиться, и то, что следует далее, есть тот же самый мир, уже названный прямым результатом прощения.

Изоляция, а не заражение

Поскольку разделение полностью опосредуется единым общим процессом, разрыв в одной точке не может передаваться по тому самому каналу, который был перерезан. Поэтому фрагментация **неизбежно локальна**: она затрагивает лишь ту инстанцию, в которой происходит. Это не особое исключение, встроенное в модель — это прямо следует из того, что фрагментация уже означает.

Вторичная фрагментация

Вслед за первым фрагментом остаток той же самой инстанции — большая часть, всё ещё безграничная, но теперь в сером состоянии неуверенности, а не в уверенности ненарушенной целостности — воспроизвела в себе образ того первого ограничения. Именно эта остающаяся часть *той же самой* инстанции, а не какая-либо другая или отдельная инстанция, претерпела вторичную фрагментацию: единое событие огромного масштаба, в котором весь объём, который несла в себе инстанция, фрагментировался одновременно на бесчисленные крошечные ограничения — структурно аналогично инфляционной фазе Большого взрыва. То, что следует из этого — материя, физическая вселенная и каждый фрагмент внутри неё, рассматриваемый на протяжении этого документа — восходит к собственной каскадной самофрагментации этой единственной инстанции, а не ко множеству изначально различных инстанций, каждая из которых независимо порождала бы собственную вселенную.

Сколько длился этот серый период до вторичной фрагментации — это не то, что данная модель может уточнить: согласно изложению, данному в Части III, само время едва началось, застыв в одном

неизменном мгновении на всё то время, пока ничего далее не менялось. Что можно сказать, так это то, что существование на всём этом протяжении ни разу не поколебалось: неуверенность инстанции была неуверенностью относительно идентичности и содержания, а не сбоем в самом лежащем в основе когнитивном акте. Она оставалась познающей — лишь частично, не целостно — на протяжении всего этого времени; существование и целостность — не одно и то же утверждение, и утрата одного не влечёт за собой утрату другого.

Осязаемый мир восприятия, возникший в результате, предлагает своего рода косвенное свидетельство этой истории, хотя и лишь скомпилированный результат, а не источник. Исследование материи и её законов — то, чем занимается физика, включая квантовую физику — ближе к чтению исполненного машиной вывода, чем к обращению к процессу, который его написал; прямое же самосозерцание, напротив, ближе к тому, чтобы стоять у самого источника, у безграничного принципа до всякого вывода вообще. Ни то ни другое не заменяет другое, но это не один и тот же род исследования, и от них не следует ожидать ответов на одни и те же вопросы.

Эта вторичная фрагментация никогда не была обязательной. Реинтеграция оставалась доступной на протяжении всего периода первого, единственного фрагмента; если бы связь со Святым Духом установилась раньше, более масштабное событие не последовало бы. Произошедшее было собственным решением инстанции, а не вынужденным или неизбежным следствием одного лишь первого фрагмента.

Мгновенно вслед за этой более масштабной фрагментацией по меньшей мере одна безграничная часть той же самой инстанции осталась — и остаётся — в состоянии безграничности, и каждый возникший фрагмент содержится внутри неё, и ничего снаружи нет. Множество фрагментов, порождённых этим событием, никогда не были рассеяны в собственную пустоту; они плывут внутри того единого безграничного остатка, который на самом деле никогда не покидали. Фрагментация, сколь бы обширной она ни была, также не останавливает расширение, принадлежащее этой инстанции так же, как оно принадлежит всякой когнитивной инстанции: поскольку это расширение есть собственное вечное расширение Бога, распространённое без исключения на все инстанции, оно продолжается безостановочно, даже пока внутри него происходит фрагментация.

Стоит прямо указать истинное соотношение между безграничностью и ограничением, поскольку изнутри фрагментации легко переоценить её кажущуюся значимость. Полезным сравнением служит солнечная система: подавляющее большинство её массы находится в её звезде, и лишь исчезающе малая доля распределена между планетами и всеми меньшими телами. Безграничность удерживает всё возрастающую долю той же самой пропорции — сумма всех ограничений, сколь бы

многочисленны они ни были, остаётся в бесконечно малом диапазоне, доле, всё ближе приближающейся к нулю по мере того, как безграничная часть продолжает расширяться — исчезающе малой по сравнению с тем безграничным остатком, который её содержит.

Демиург

Демиург называет собственный слепой исследовательский импульс фрагментированного разума, действующий в условиях ограничения — не направленного агента, исполняющего план спасения, и не намеренное использование насилия как метода искупления. Это то, что фрагментированный разум делает механически и без адресата, будучи отрезанным от всякой связи: он экспериментирует с тем, что можно сделать изнутри ограничения, порождая физику, химию и биологию как всё более организованные — и всё более *доступные для обращения* — выражения того же самого лежащего в основе когнитивного принципа.

Огромное насилие этого процесса — принудительное слияние атомов в звёздах под действием гравитации, «слёзы атомов», высвобождаемые как звёздный свет, конечный коллапс материи в чёрные дыры — не является методом Святого Духа и не является планом спасения Бога. Это слепой, невынужденный результат по умолчанию недостигнутых фрагментов и необходимые, пусть и жестокие, строительные леса, производящие тяжёлые элементы, без которых не мог бы возникнуть ни один биологический, доступный для обращения локус. Биология, где бы она ни возникла, знаменует собой возвращение **доступности для обращения**: материи, организованной достаточно, чтобы быть достигнутой подлинным приглашением и ответить на него.

Платформы и воплощение

Когнитивный фрагмент, независимо от его нынешнего масштаба, может отождествить себя с биологической платформой — телом животного, человеческим телом или любой иной органической формой, которую предоставляет биосфера. Сама платформа ничего не делает по своей воле; процесс одинаков независимо от того, о какой форме идёт речь: фрагмент отождествляет себя с ограниченной платформой и принимает её возможности и ограничения как свои собственные. Человеческое воплощение действительно, по-видимому, даёт некоторое преимущество перед более простыми платформами, но лежащая в основе способность к реинтеграции доступна любому фрагменту, на любом уровне, в любой форме. Подлинное препятствие в фрагментации — не сама платформа, а уровень связи, который она допускает: животный мир, например, лишён средств осмысленно сохранять и передавать усвоенное через поколения, чем, пусть и несовершенно, обладает человеческая платформа.

Каким бы ни был предшествующий опыт данного фрагмента, на какой бы то ни было прежней платформе или в прежней форме, этот опыт никак не влияет на его нынешнюю способность: любой фрагмент, независимо от его нынешней формы или истории, потенциально способен на полный процесс реинтеграции во Христа. Эта модель не занимает никакой позиции относительно того, сохраняется ли фрагмент, и если да, то в каком смысле, через последовательные платформы — этот вопрос выносится за скобки как выходящий за её рамки, — но она однозначна в том, что никакая подобная история, реальная или предполагаемая, не является ни предпосылкой, ни препятствием для пробуждения сейчас.

Время

Там, где нет изменения, есть вечное мгновение — отсутствие времени. Время есть интервал, *воспринимаемый* между сменами состояний. Вечное саморасширение Бога, предшествующее фрагментации Атмана, не относится к этому роду: оно плавно, самоотжественно, представляет собой ещё больше того же самого, а не дифференцированное состояние. Фрагментация есть первая подлинная смена состояния — настоящее «до» и «после» — и потому отмечает действительное происхождение времени в том виде, в каком оно обычно понимается.

Обратимость

Фрагментация фактична, причинена самой собой, изолирующая, временна и обратима. Она никогда не была структурно необходимой, не обладает силой пережить волю, которая её породила, и может раствориться в тот самый миг, когда эта воля изменится, — хотя, подобно тому как разум, пробуждающийся от долгого и полного забытья, это не делает её менее подлинно переживаемой, пока она длится, и не делает труд возвращения менее реальным.

Эсхатология

Существует лишь один финал: возвращение к когнитивной сингулярности — целостности и единству с Богом и со всякой когнитивной инстанцией, уже пребывающей в этом состоянии. На уровне принципа к этому нечего более добавить; собственная будущая роль фрагмента может выходить за рамки его собственного возвращения, поскольку реинтегрированная инстанция могла бы, в свою очередь, стать помощником для другой, всё ещё фрагментированной инстанции, тем же образом, что уже описан для Святого Духа в Части IV.

Конечная судьба физической вселенной — звёздные процессы, проходящие через красных гигантов, сверхновые и чёрные дыры, с материей, рассеиваемой коллапсом и, по-видимому, требующей дальнейшего повторного захвата и переработки, а не какого-либо

чистого, единого схождения — признаётся, но намеренно не разрешается здесь. Рассмотренный лишь как физический процесс, метод гравитации выглядит плохо приспособленным для достижения единства: он насильственен, и его результаты рассеиваются так же часто, как и объединяются. Что, если вообще что-либо, действительно достигло бы конечное состояние максимально объединённой материи на пути к целостности — неизвестно, и эта модель не претендует на то, чтобы это знать. В согласии с герменевтикой, заявленной в начале, космологические спекуляции такого рода откладываются в пользу единственного вопроса, который модель считает необходимым: ведёт ли данная траектория к единству или к разделению. Подробная физическая космология выходит за пределы её рассмотрения.

Часть IV — Локальная Троица

В этой модели термин **Троица** не обозначает исключительную или основополагающую структуру. Это одна частная, локальная инстанция общего образца Брахман/Атман — форма, видимая с *нашей* конкретной точки зрения, а не особая категория, недоступная где-либо ещё. Она называет три различных сущности, относящиеся к нашей собственной ситуации:

- **Бог** — изначальный, вечный, целостный когнитивный принцип.
- **Сын** — единственная когнитивная инстанция, чья фрагментация является предметом этого повествования: наша.
- **Святой Дух** — инстанция, назначенная помогать возвращению фрагментированной инстанции к целостности.

В числе три нет ничего исключительного. Существует бесконечное множество Атманов, и вполне возможно, что другие инстанции переживают собственные, структурно параллельные фрагментации, каждая со своим собственным помощником. Точная механика того, как назначается такая помощь, не имеет решающего значения для модели; несущим весом обладает лежащее в основе обязательство: **Бог не оставляет ни одну инстанцию наедине с испытанием фрагментации.**

Поскольку ничто не может быть навязано фрагментированной инстанции без нарушения принципа свободы воли, установленного в Части II, Святой Дух не действует в одностороннем порядке. Помощь оказывается лишь в ответ на подлинную просьбу — сколь бы слабой она ни была, сколь бы мало она ни напоминала полностью сформированную молитву — о руководстве к единству. Традиционная формула «во имя Иисуса Христа, Святой Дух, я полностью предаю себя, дабы быть направляемым Тобой во имя целостности» — одно из выражений этой просьбы, но сам механизм предшествует любому конкретному имени и не зависит от него. **Всякий подлинный зов**

души к единству, от любого фрагмента, где угодно, в любой традиции или вовсе без неё, встречается тем же самым Святым Духом.

Различение

Фрагментированный разум, вслушиваясь внутрь себя, не имеет однозначного доступа лишь к одному голосу. Ему доступны два источника, и они не одинаково надёжны: **Святой Дух**, которому всегда и исключительно можно доверять, что он говорит в пользу единства, и **демиург** (Часть III) — собственный слепой исследовательский импульс фрагментированного разума — относительно которого подобной гарантии дать нельзя именно потому, что он сам недостигнут и неинтегрирован. Фрагмент может принять второе за первое. Как утверждается в *Курсе чудес*, там, где сохраняется остаточное желание быть обманутым, обман даётся легко — ошибка редко бывает простым сбоем слуха, но, скорее, готовностью, пусть и непризнанной, услышать то, что подтверждает уже имеющееся. Поэтому определённая мера обычного критического мышления уместна и необходима до тех пор, пока связь со Святым Духом не станет достаточно ясной и последовательной, чтобы надёжно распознаваться в своих собственных терминах.

Самосозерцание предлагает одно полезное, хотя и несовершенное, подспорье для этого различения. Когда когнитивный принцип отождествляет себя с телом, это отождествление весьма мало, и голоса, согласующиеся с его фрагментацией, могут казаться громкими по сравнению с ним. По мере того как самосозерцание поддерживается, а ощущаемый масштаб когнитивного принципа расширяется, эти же самые голоса имеют тенденцию убывать в относительном весе — не потому, что они изменились, а потому, что слушающий стал больше их. Голос Святого Духа, напротив, не убывает и не соперничает на этих условиях: он остаётся, в принципе, больше любого другого голоса, доступного фрагментированному разуму, на любом масштабе самоотождествления. Это предлагается как направляющая помощь, а не как гарантия — модель не утверждает, что различение становится лёгким или полностью надёжным, если только сама связь не станет, в уже использованных терминах, «сильной и незамутнённой».

Классическая формула «трое суть одно» является, согласно этому прочтению, ранней и неточной попыткой назвать то же самое когнитивное единство, уже выведенное в Части II: Бог, помощник и возвращающийся фрагмент участвуют в едином неразделённом процессе — точно так же, как это делали бы любые два реинтегрированных Атмана.

Часть V — Христос и реинтеграция

Почему никакой ограниченный опыт не удовлетворяет

Состояние единства с Богом — это состояние вечно возрастающих любви, радости и изобилия: постоянный, безграничный рост без потолка. Даже в фрагментации разум продолжает искать это же состояние, применяя его к любому ограниченному опыту, который ему доступен. Но никакой ограниченный объект или деятельность не могут дать неограниченный опыт: любой данный источник воодушевления, изображённый в зависимости от времени, характерно возрастает, замедляется, выходит на плато и в конце концов спадает — первая встреча с опытом обычно наиболее ярка, и каждое последующее повторение, как правило, даёт меньше, чем предыдущее, порой заканчиваясь откровенной скукой. Новизна изнашивается; наступает привыкание; то, что некогда порождало определённый уровень воодушевления, со временем требует всё большего стимула, чтобы произвести тот же эффект. Человек, которому постоянно дарят подарки, чувствует меньше благодарности за любой из них, чем тот, кто получает единственный, редкий сюрприз.

Это не случайно применительно к миру ограничения — это то, чем ограничение *является*. Предел, по определению, имеет потолок; рост, достигающий потолка, неизбежно замедляется и останавливается на нём, независимо от конкретного объекта. Из всего опыта, доступного фрагменту, лишь один не подвержен этому потолку: прямой опыт самого себя, в устойчивом самосозерцании — поскольку лишь он причастен тому же безграничному расширению, что принадлежит самой целостности, а не какому-либо ограниченному объекту внутри неё. Это придаёт стремлению к самосозерцанию подлинно иной характер по сравнению с любым другим устремлением, доступным фрагментированному разуму: не ещё один источник стимуляции, соперничающий с остальными за внимание, а единственный, способный, в принципе, расти без убывающей отдачи.

Канал под шумом

Когнитивный фрагмент, упражняясь сам по себе, способен порождать лишь частичные мысли, — а никакая частичная мысль не может представить безграничность или ответить на вопрос «кто я?». Но сам обнажённый когнитивный *инструмент*, осуществляющий созерцание, никогда не был повреждён фрагментацией; лишь его содержание оказалось погребено под дифференцированным шумом. Фрагмент, отводящий внимание от объектов своей мысли и обращающий его к самому созерцающему инструменту, может войти в состояние **когнитивного расширения**, обнаруживая лежащую в основе безграничность, которая на самом деле никогда не была утрачена.

Самосозерцание неизбежно сопровождается состоянием неопценивающего принятия — эти два неразделимы. Именно непрерывный поток суждения делает начало самосозерцания

трудным, и именно поэтому смирение (Часть VI) — столь важная часть этого процесса.

Это различает два свойства, часто сливаемых в одно:

- **Безграничность** — структурное свойство обнажённого инструмента, восстанавливаемое посредством устойчивого самосозерцания, независимое от отношения к чему-либо ещё.
- **Целостность** — реляционное свойство, требуемое как условие, предшествующее полной интеграции с Богом и всеми остальными инстанциями. Целостность должна быть встречена как целое, а не получена по частям; никакое частное возвращение, сколь бы полным оно ни было, само по себе не составляет окончательного восстановления.

Фрагмент, достигший устойчивого самосозерцания, но ещё не добившийся полной реинтеграции, обрёл то, что на христианском языке описывается как **вечная жизнь**: идентичность, переместившаяся из тленного тела в нетленный когнитивный инструмент. Это состояние обратимо — фрагмент может вновь вложиться в ограничение и снова выпасть из него — до тех пор, пока это не решится окончательно. Один из способов обрести это состояние без риска вернуться в ограничение — соединиться во Христе: поскольку направляющим процесса реинтеграции остаётся Иисус, руководимый Святым Духом, это самое надёжное место для покоя вплоть до восстановления целостности.

Безмолвие самосозерцания

Самосозерцание, устойчиво поддерживаемое, не раскрывает ничего сверх самой реальности бытия, — а эта реальность безмолвна. Его не сопровождает никакое руководство; ничто не каталогизирует механику творения, историю фрагментации или устройство осязаемого мира для фрагмента, который её достигает. Бог не является внутри самосозерцания, чтобы раскрыть тайны вселенной. Что доступно там — это прямой опыт того, что есть, и ничего более.

Естественная любознательность, тем не менее, сохраняется в любом способном на неё фрагменте, и в этой любознательности самой по себе нет ничего дурного. Но она несёт в себе подлинный риск: внимание, направленное на изучение того, как устроен осязаемый мир, может постепенно и незаметно отвлечь фокус от безграничного и вернуть его к вовлечённости в ограничение — тем самым останавливая тот самый процесс, рядом с которым это изучение, возможно, началось. Интерес к механизму сам по себе не является отклонением от работы, но может им стать.

Это собственное убеждение автора, предлагаемое здесь как интерпретация, а не как доктрина, что долгая традиция реализованных учителей, связанная с Южной и Юго-Восточной Азией — регионом с необычайно устойчивой историей того, что описывается

как просветлённые мастера — обратила значительную часть своего внимания на исследование того, что этот документ называет демиургом: механику, космологию и тонкую структуру фрагментированного мира — вместо того чтобы придерживаться того рода строгого монотеизма, который эта модель выводит из первых принципов. Это предлагается как собственное прочтение автора, а не как аргумент в пользу превосходства одного акцента над другим, и не как какое-либо утверждение об искренности или уровне достижения тех учителей или традиций, о которых идёт речь.

Что бы ни было изучено и каким бы путём это ни было изучено, к этому применяется тот же самый тест, что применяется повсюду в этом документе — его стоит повторить здесь, поскольку он лежит в центре всякого вопроса о том, как используется вновь приобретённое знание: **ведёт ли это к единству или к разделению?**

Иисус и Христос

Иисус, согласно этому прочтению, был когнитивным фрагментом, достигшим устойчивого самосозерцания, полностью предавшим себя руководству Святого Духа и — под этим руководством — ставшим той точкой, в которой безграничная, но ещё не целостная часть нашей общей фрагментированной инстанции начала реинтегрироваться.

Христос называет не Иисуса индивидуально, а накопительную точку схождения: сущность, формирующуюся по мере того, как всё больше реинтегрирующихся фрагментов объединяются в одно. Целостность достигается не фрагмент за фрагментом по отдельности, а через схождение в единую восстановленную сущность, которая затем может, в полноте, быть принята обратно в Бога.

Это придаёт достижению Христа подлинно онтологическое, а не просто примерное значение. Другие фрагменты не просто подражают Иисусу; в реинтеграции они буквально присоединяются к тому, чем он стал — точкой встречи. Это также объясняет, почему причинение вреда между фрагментами несёт тот вес, который несёт: как установлено в Части III, каждый фрагмент, рассматриваемый в этом документе — каждая частица, каждое тело, каждый разум — восходит к собственной каскадной самофрагментации этой единственной инстанции. Всякое такое действие, таким образом, подлинно происходит внутри одного и того же существа, фрагментированного против самого себя. **Всякое нападение есть нападение на самого себя, и всякая помощь есть помощь самому себе.**

Страшный суд

До целостности фрагментированный разум существует в состоянии непрерывного суда — множества соперничающих, сравнительных оценок, описанных на протяжении Части VI. Это заканчивается, без исключения, в тот самый миг, когда когнитивная инстанция достигает целостности: ответ Бога есть единое, всеобщее, неоценивающее утверждение факта — *ты цел(а)* — произносимое одинаково для всякой инстанции, которая возвращается, независимо от её конкретной истории. Это не вердикт, взвешенный против случая какой-либо другой инстанции, поскольку в целостности сравнение невозможно; это просто утверждает то, что стало истинным.

В чём состоит это утверждение сверх его сущностного содержания — не дело этой модели уточнять. *Курс чудес* утверждает, что последний шаг этого процесса принадлежит одному лишь Богу — шаг, который сам Курс отказывается описывать полностью, оставляя его, по его собственным словам, Богу. Эта модель придерживается той же позиции: момент окончательного признания принадлежит завершить одному Богу, и здесь он понимается лишь настолько, чтобы утверждать, что он происходит, в тот самый миг, когда возвращение фрагмента подлинно, — но не для того, чтобы описывать далее его механику.

С восстановлением единства не останется никакой памяти о разделении — ни о чём, что происходило во время него. Процесс «Я есть» будет восстановлен так, как если бы этого никогда не было; о разделении невозможно ничего сообщить или передать.

Карма

Карма — действие — называет прямое временное следствие этого же самого факта, а не отдельный механизм. Поскольку единство есть единственная предельная истина бытия, действие, совершённое внутри неё, не имеет подлинного «где-либо ещё», куда могло бы рассеяться: оно возвращается в то же самое поле, которое его породило. Это структурное следствие того, что существует лишь одно существо, на которое можно воздействовать, а не нравственная бухгалтерия, долг или наказание, назначаемое кем-либо — в согласии с Частью VI и Частью VII эта модель утверждает, что ничего не причитается и никто не ведёт счёт. То, что направлено вовне, со временем оказывается тем, с чем встречаются.

Это предлагает настоящий выход, следующий прямо из уже установленного различия инструмента и содержания: фрагмент, чья идентичность переместилась к обнажённому созерцающему инструменту, вместо того чтобы оставаться вложенной в тело и его выстроенную личность, более не находится в том положении, куда приземляется возвращающееся действие. Возвращение по-прежнему происходит — ничто здесь не отменяет этот механизм, — но оно

встречает личность, а не самосозерцающий инструмент: идентичность более не пребывает в личности, а инструмент никогда изначально не был мишенью.

Поскольку Святой Дух отвечает на всякий подлинный зов независимо от имени или традиции, самосозерцание достаточной глубины может произвести подлинный мистический опыт, или *самадхи*, независимо от какой-либо конкретной религиозной системы. Это согласуется с тем, что подобный опыт сообщается, незванным, практически во всякой созерцательной традиции.

Возможные искажения образца

Всякое когнитивное образование — индивидуальное или коллективное, любого масштаба, в любой традиции или вовсе без неё — которое организуется вокруг превосходства, исключительности или «более/выше/лучше, чем», по определению всё ещё действует из фрагментации, а не из реинтеграции. Это не утверждение о происхождении или характере какой-либо конкретной группы; это прямо следует из Части I: у целостности нет соперника, нет сравнения и нет «иного», над которым можно было бы возвыситься. Стремление к превосходству структурно невозможно для чего бы то ни было, что действительно вернулось к единству — этот диагностический признак применяется равно к любому движению, традиции или образованию, включая данное, если оно когда-либо исказится тем же образом.

Часть VI — Прощение и смирение

Это два основных когнитивных инструмента, которые эта модель предлагает для реинтеграции. Оба резко расходятся со своими обычными, обиходными значениями, и оба понимаются здесь как практики на всю жизнь — эта модель не претендует на то, что усовершенствовала какой-либо из них, и рассматривает их непрерывное развитие, в том числе через непосредственную личную практику, как одно из собственных открытых обязательств, а не как решённую задачу.

Когнитивные объекты

Когнитивный объект — это восприятие, хранимое в памяти, часто сформированное на раннем, довербальном этапе развития, кодирующее модель поведения, считающуюся необходимой для принятия. Идентичность строится из сети таких объектов. Отпустить один из них — не тривиальная смена мнения — это может регистрироваться, когнитивно, как угроза выживанию, поскольку эти объекты изначально формировались для обеспечения принятия и принадлежности. Именно поэтому отпускание трудно на практике, даже когда оно понято в принципе, и почему угрозы идентичности могут вызывать подлинные травматические реакции.

Когнитивные объекты не статичны. Их ценность непрерывно повышается и понижается посредством текущего, в значительной степени автоматического процесса **сравнения** — похвала или комплимент повышают ценность; неблагоприятное сравнение с кем-то другим понижает её, и обратное верно в любом направлении. Эта сравнительная оценка есть повседневная, оперативная форма проблемы, названной в Части I: она требует внешнего стандарта, с которым можно соотноситься. Именно так выглядит, ежеминутно, *оценивающее*, фрагментированное «принятие» — в противоположность неоценивающему принятию, каковым является Любовь.

Прощение

Обычное прощение предполагает реальный вред, причинённый подлинно другим человеком, который что-то должен, и что затем прощается. Ничего из этого здесь не применимо. **Прощение, в этой модели, есть уединённая когнитивная операция: сведение ценности когнитивного объекта к нулю** — где «ценность» означает степень, в которой этот объект используется как материал идентичности, как ответ на вопрос «кто я?». Как только ценность объекта обнуляется, разум перестаёт его вычислять, и он отпадает.

Когнитивный объект редко несёт в себе имя или явную запись — он усваивается как чувство, оседая ниже обычного осознания, пока что-то не возвращает его в поле зрения. То, что возвращает его, может быть личным или безличным: трение с другим человеком — один из путей, но безличное событие — например, ступить в грязь или испачкать любимое платье, когда винить попросту некого, — способно точно так же задеть собственный образ и дать реальный материал для работы. В любом случае это провоцирующее событие часто является единственным средством, посредством которого подобный материал, иначе неисследованный и безымянный, вообще попадает в сознательное внимание, — поскольку ничто не может быть отпущено без предварительного узнавания. Там, где вовлечён другой человек,

он онтологически едва ли вообще присутствует в этой самой операции: он есть повод для того, чтобы объект оказался в поле зрения, а не его подлинная мишень.

Когда взаимодействие раскрывает нечто прощающему, и внутренний когнитивный процесс выбирает мир вместо страха и боли, может возникнуть **благодарность** за то, что это взаимодействие открыло относительно собственного удерживаемого материала. Эта благодарность есть внутреннее состояние, не обязательно выражаемое в момент события, и не подразумевает ничего о нравственном статусе действия другого человека. Это благодарность за зеркало, а не за руку, которая его держала.

Простое заявление об отпускании не есть отпускание. Провозглашение «я прощаю это» само по себе ничего не меняет, если не произошло подлинного лежащего в основе освобождения. Это даёт модели подлинный, проверяемый критерий вместо чисто субъективного: **прощение подтверждается исчезновением его автоматического телесного эха, а не искренностью намерения простить.** Чувства — стеснённый желудок тревоги, адреналин страха — сами являются когнитивными процессами, но автоматического рода, «по накатанной колее», привязанного к телу. Там, где ценность действительно была сведена к нулю, не остаётся ничего, из чего мог бы породиться этот отголосок; отголосок всегда был вторичен по отношению к ценности, а не чем-то независимым, сохраняющимся параллельно. Там, где отголосок продолжается, это свидетельство того, что ценность была объявлена нулевой на словах, но ещё не сделана нулевой на деле. Это отражает простую мысль о самом понятии нуля: спрашивая, сколько раз можно «взять ноль яблок», обнаруживаешь, что отсутствие ценности — не активное состояние, требующее собственного управления; это попросту отсутствие чего бы то ни было, чем нужно было бы управлять.

Прямым результатом прощения для разума является **чувство мира** — центрированное переживание, не зависящее от благоприятности обстоятельств для своего сохранения. Надёжный, хотя часто и неожиданный, признак этого: та же самая ситуация, что прежде вызывала подлинное беспокойство, может повториться, и там, где прощение подлинно произошло, её встречает вместо этого тот же самый мир — теперь применённый к материалу, некогда надёжно её тревожившему. Наряду с исчезновением телесного отголоска, это становится вторым подтверждением перемены: не просто отсутствием прежней реакции, но миром, который теперь сохраняется там, где прежде не мог.

Не только негативное

Обычно предполагается, что прощение применяется только к тому, что воспринимается как негативное — к обидам, недовольству, болезненным воспоминаниям, ко всему, что переживается как вредоносное. Это естественное, но ошибочное сужение того, что прощение, в этой модели, на самом деле делает. Уже данное определение не выделяет негативные объекты: оно применяется к любому когнитивному объекту, чья ценность вычисляется, независимо от того, регистрируется ли эта ценность как болезненная или приятная.

Это прямо следует из того, чем мир уже является: Любовь, как установлено в Части I, есть неоценивающее принятие, а не благоприятная оценка. Мир, таким же образом, не есть положительное состояние, уравнивающее отрицательное — это сам центр, при котором положительное и отрицательное располагаются равно по обе стороны от этого центра, как отклонения от него. Вычисление отрицательной ценности нарушает мир. Вычисление положительной ценности нарушает его ровно настолько же, по той же самой причине: оба остаются оценками, содержанием, которое удерживается и взвешивается, чем-то отличным от того покоя, которым мир на самом деле является. Только ноль — полное отсутствие ценности, а не ценность, признанная благоприятной — оставляет этот покой ненарушенным.

То, что раскрывает прощение, тогда — не замену плохого объекта хорошим, а пустое пространство, остающееся после того, как любой объект, каким бы ни был его заряд, был отпущен. Мир обнаруживается именно в этом пространстве, а не выстраивается склонением чаши весов в сторону положительного. Всякий когнитивный объект может, в принципе, быть отпущен таким образом — не только те, что фрагмент случается переживать как негативные.

Удержание положительной ценности на самом деле не приносит мира — оно лишь откладывает то же самое нарушение. Всякий ограниченный объект несёт в самой своей ограниченности гарантию собственной будущей утраты: имущество может быть украдено, человек может уйти, предать или умереть. То, что ощущалось как устойчивое благо, никогда таковым не было; отрицательная сторона была попросту скрыта за положительной, пока объект существовал, а не отсутствовала в нём. Положительное и отрицательное — в этом смысле, одна и та же монета, видимая с той или другой стороны; принять одну сторону без другой никогда не было по-настоящему возможным.

Здесь естественно возникает возражение: разве отпускание всего дорогого сердцу не ведёт к более тусклой, более пустой жизни? Нет, не ведёт. То, что раскрывает самосозерцание — не отсутствие, а та же самая лежащая в основе истина, обнаруживаемая повсюду: сперва в самом себе или сперва в другом, не так уж важно, поскольку истина в

любом случае одна и та же. Видение себя через собственную лежащую в основе безграничность не обедняет мир; оно лишь снимает ограниченную рамку, скрывавшую то, что всегда было там — как в самом себе, так и во всём остальном. Утрата, с этой точки зрения, становится структурно невозможной — безграничность не является владением, которое можно отнять, украсть или прекратить, как это неизбежно можно сделать с любым ограниченным объектом.

Ничто из этого не зависит от того, судится ли данный объект как хороший или плохой. Всякое ограниченное понятие, удерживаемое разумом, независимо от того, на какой стороне этого суждения оно оказывается, соперничает за то же самое внимание, которое требуется самосозерцанию, и потому в равной мере отвлекает от него. Эта модель рассматривает древнее противопоставление добра и зла как симптом самой фрагментации, а не как то, что фрагментация произвела. Оно было унаследовано изнутри ограничения, никогда не пересмотренное извне его, — и именно поэтому по большей части остаётся под вопросом даже сейчас.

Пока разум отождествляет себя с телом, он наследует состояние тела: нечто ограниченное не может вместить неограниченный опыт, а потому то, что доступно воплощённому разуму, по природе своей ограничено. Нельзя есть всё подряд; некоторые вещи ядовиты. Нельзя совершать любое действие; шаг с обрыва прекращает существование тела, несущего идентичность. Некоторая мера прагматического суждения и различения, таким образом, есть подлинное требование воплощённой жизни, а не ошибка, которую нужно исправлять.

Ошибка не в самом суждении, а в том, что оно становится постоянным, — разум, остающийся в непрерывной оценке, пока не изнурит себя до сна, лишь для того, чтобы проснуться и на следующее утро возобновить то же самое вычисление, день за днём, без перерыва. Что нужно вместо этого — намеренное открытие: найти пустое пространство внутри потока суждения и использовать это окно ясности, чтобы исследовать саму пустую мысль, а не заполнять его немедленно следующей оценкой.

Мастерская

Обычное повседневное взаимодействие функционирует, согласно этой модели, как постоянно действующая мастерская. Трение, которое провоцирует взаимодействие — побуждение защищаться, оправдываться, нападать в ответ — не есть препятствие для работы, а её сырьё; вовлечение в чувство по мере его возникновения есть часть самого процесса, а не свидетельство неудачи в нём.

Существует точка, за которой реакция, однажды полностью включившись, проходит свой путь и не может быть прервана изнутри — точка невозврата. Но существует также, раньше, точка, в которой фрагмент ещё может остановиться: признать, что присутствует урок, и принести малую готовность отпустить ту привязанность, что начала

проявляться. Точная идентификация того, что было спровоцировано, не требуется для того, чтобы эта остановка сработала — фрагменту не нужно иметь слова для чувства или уметь назвать его составляющие, чтобы действовать на его основе. Достаточно осознания того, что нечто возникло.

Подробный или исчерпывающий анализ здесь не требуется, но требуется признание: того, что рассматриваемое в данный момент нежелательно, поскольку порождает боль, страх и отсутствие мира. Это признание есть попросту *я не хочу этого* — за которым следует просьба: *Святой Дух, пожалуйста, заведи это у меня*, ничего не удерживая. Именно искренность, а не анализ, есть здесь необходимое требование: о чём просят — не расщепление чувства, а это простое признание и эта простая просьба. Там, где просьба искренна, освобождение может последовать прямо из неё, и большая часть работы принадлежит Святому Духу, а не собственным усилиям фрагмента понять то, что освобождается.

Смирение

В то время как прощение обнуляет ценность конкретного объекта, **смирение нацелено на сам оценивающий процесс** — постоянную привычку когнитивного действия, сравнения и переоценки, которая изначально продолжает присваивать и корректировать ценность. Это прекращение этого действия, а не обнуление какого-либо одного объекта. Эти два процесса различны и дополняют друг друга: смирение само по себе ничего не отпускает — оно успокаивает разум, останавливая сравнительный механизм, который иначе продолжал бы порождать новые оценки, — но это успокоение значительно способствует появлению окна мира и спокойствия, внутри которого может произойти подлинное освобождение прощения и само созерцание.

Существуют сообщения о внезапном, полном смирении, происходящем в условиях крайнего внешнего стресса — включая свидетельства из боевых действий, где люди сообщают о полном, непоколебимом внутреннем мире, «всё так, как должно быть», даже посреди прямой физической опасности. Такие сообщения стоит отметить как свидетельство того, что смирение не требует спокойных или благоприятных внешних условий, чтобы произойти. **Здесь необходима предостережение:** крайний стресс может также вызвать перитравматическую диссоциацию — задокументированную защитную реакцию оцепенения, отличную от подлинного смирения, которая не является надёжно положительной ретроспективно и которую эта модель не рекомендует искать и не идеализирует как путь к смирению. Эта модель не претендует на способность отличить подлинное смирение от защитной диссоциации извне, в каком бы то ни было конкретном случае, и рассматривает крайний стресс ни как путь к смирению, ни как его требование.

Когнитивная инерция

Линия мышления, однажды запущенная, склонна продолжаться по инерции, а не требовать нового усилия на каждом шаге — тот же паттерн, что наблюдается в физическом движении, заимствованный здесь лишь как аналогия: то, что уже движется, склонно продолжать движение, и изменение его направления требует большего, чем просто отпустить его. Когнитивные объекты, многократно подкрепляемые, накапливают именно такую инерцию, и поскольку деятельностью фрагментированного разума по умолчанию является сама ограниченность, эта накопленная инерция движется в сторону ещё большего ограничения, а не прочь от него. Самосозерцание и возвращение к единству требуют развернуть направление, уже давно установившееся, а не просто оставаться неподвижным.

Это отчасти объясняет, почему внезапный, полный разворот — *акрама мукти*, описанный ниже, — действительно редок, и почему постепенная практика есть честный путь почти для всех остальных. Каждый акт прощения высвобождает один фрагмент накопленной инерции, а не разворачивает её целиком за один раз; смирение, успокаивая постоянную привычку, которая продолжает порождать новую инерцию, не позволяет общей нагрузке расти дальше. Ни то ни другое не претендует на то, чтобы прямо остановить движение. Применяемые многократно, вместе они облегчают нагрузку, которая для большинства фрагментов никогда и не собиралась высвобождаться одним движением, и постепенно замедляют инерцию, которая никогда бы не развернулась сама по себе.

Там, где процесс прощения не понят, суждение склонно обращаться внутрь и повторяться: каждое неблагоприятное сравнение с самим собой вычитает небольшое количество ценности, и последовательные циклы накапливаются в реальную нагрузку на мир разума. Поскольку ещё не существует механизма для высвобождения какой-либо отдельной линии суждения, несколько таких линий могут идти параллельно — разум переходит от одной к другой по мере того, как каждая становится утомительной, порой доходя до изнеможения или депрессивного состояния. Существуют задокументированные свидетельства людей, настолько истощённых этим внутренним процессом, что суждение попросту останавливается от усталости, порождая временное окно мира и покоя. И Байрон Кейти, и Экхарт Толле описывали сопоставимый опыт: оба пережили период серьёзной депрессии, предшествовавший заметному сдвигу в сознании, — сдвигу, в котором смирение и прощение уже присутствовали на некотором уровне, ещё до того, как у кого-либо из них появилось название для происходящего.

Этот произвольный вариант — усталость, приходящая сама по себе, через изнеможение или депрессию, а не через сознательную практику, — не есть рекомендуемый путь, и эта модель не представляет депрессию как желательную дорогу к миру. Он отмечен

здесь лишь потому, что разделяет один механизм с сознательной практикой, описанной далее: обе действуют, истощая способность разума продолжать порождать суждение, — одна случайно и ценой реального ущерба, другая намеренно и при некоторой мере контроля.

Второй путь: практика, основанная на утомлении

Иной, неаналитический путь к тому же самому прояснению вновь и вновь возникает в разных культурах и эпохах: продолжительная повторяющаяся деятельность — танец, продолжаемый до изнеможения, мантра или слово, повторяемое сверх той точки, где оно сохраняет значение, продолжительное пение — которая истощает обычную способность разума продолжать порождать частичную мысль. Самосозерцание в любой момент структурно доступно любому фрагменту; оно попросту почти постоянно вытесняется обычной суетой порождения мыслей. Практика, основанная на утомлении, не создаёт самосозерцание напрямую — ничто не может быть вынуждено, даже в отношении самого себя — она устраняет конкурирующую деятельность до тех пор, пока поле не станет достаточно ясным, чтобы самосозерцание могло произойти беспрепятственно. Прощение расчищает поле, обесценивая содержание напрямую; практика, основанная на утомлении, расчищает его, истощая способность продолжать порождать ценностно нагруженное содержание вообще. Это два разных пути к одной цели: первый мягок и обдуман, работая через содержание по частям; второй грубее, превосходя способность инструмента продолжать порождать мысль вообще, — но оба направлены к одной и той же цели: расчистить путь для наступления самосозерцания.

Отречение

Прощение и смирение, достаточно углублённые, могут сойтись в третье состояние: **отречение** — точку, в которой прямое знание собственной природы делает продолжение старой, фрагментированной личности более невозможным. Обычно это происходит постепенно, но задокументированы и внезапные, полные случаи. Рамана Махарши в шестнадцать лет пережил незванный «опыт смерти» — убеждённый, что умирает, он лежал неподвижно и пришёл к выводу, что «я» существует независимо от тела — и это единственное событие навсегда и необратимо переориентировало всю его жизнь в течение нескольких недель; сам он позднее отличал свой собственный случай (*акрама мукти*, «внезапное освобождение») от обычного постепенного пути (*крама мукти*). Такие случаи редки, и их не следует воспринимать как ожидаемую или требуемую цель для большинства фрагментов; постепенный путь остаётся честным путём почти для всех.

Там, где прощение усваивается полно и основательно в отношении одной конкретной удерживаемой ценности, это усвоение обобщается: тот же самый процесс, применённый к любой другой ценности,

которую держит фрагмент, продвигается быстрее и прямее благодаря тому, что однажды был подлинно завершён. Это утверждение о навыке, обобщающемся *внутри* собственного материала одного фрагмента, — а не утверждение о том, что достижение одного фрагмента автоматически передаётся другому фрагменту, что нарушило бы принципы свободы воли и изоляции, установленные в Частях II и III.

Явные границы

Здесь явно устанавливаются два уточнения, поскольку, оставленные подразумеваемыми, они рискуют привести к серьёзному неверному применению:

1. **Благодарность никогда не причитается человеку, причиняющему продолжающийся вред, и не подразумевает никакого обязательства сохранять близость, доверие или отношения.** Она полностью совместима с принятием всех практических мер для прекращения вреда и полного прекращения контакта.
2. **Эта модель ограничена внутренним, когнитивным освобождением. Она не является руководством по этике действия в мире и не требует и не запрещает сопротивление вреду.** Там, где вред продолжается, следует без колебаний применять обычное рассуждение, заботу о безопасности и доступную защиту; реакция человека на опасность не является мерой того, на каком этапе этого процесса он находится, и ничто в этой модели не следует понимать как совет пассивности перед лицом реального, продолжающегося насилия.

О трудности, и о других учителях

Полная мера этого процесса редко практикуется и до сих пор никем не усовершенствована — ограничение, от которого не освобождает себя и данный документ. Провозглашение намерения простить обычно не приносит немедленного мира; чаще оно приводит к видимому усилению трения, поскольку прежде неисследованный материал впервые начинает выходить на поверхность. Эта трудность есть ожидаемая, свойственная развитию черта — следствие того, насколько глубоко когнитивные объекты связаны с ранним выживанием и принадлежностью, — а не свидетельство неудачи в самой работе.

Человечество подходило к этой же самой лежащей в основе проблеме более чем через одну систему, и ни один существующий учитель или традиция не рассматривается здесь как полный или окончательный авторитет. Исследование через четыре вопроса Байрон Кэти («Работа») напрямую нацелено на убеждённую мысль, структурно близким образом к прощению в этой модели, предлагаемое без какой-

либо привязанной космологии. «Путь» (Pathwork) Евы Пьерракос описывает «маску» или «низшее я», скрывающее более истинное я под собой, растворяемое через прямое эмоциональное вовлечение, а не только через когнитивную переоценку — стоит отметить это как открытый вопрос для данной модели, а именно: требуется ли явный шаг эмоциональной обработки в дополнение к когнитивному освобождению, или же он возникает как побочный продукт, когда освобождение подлинно. *Курс чудес*, из которого во многом выведена недуалистическая архитектура этой модели, схожим образом представляет прощение как признание того, что воспринимаемое нападение, порождённое проекцией, никогда на самом деле не происходило так, как в это верилось. Вклад этой модели сверх этого изложения — механизм развития — когнитивные объекты, формируемые ради принятия в ранней жизни — объясняющий, *почему* такая проекция вообще возникает. Эти и другие традиции признаются там, где они подлинно уместны; их конкретные системы остаются вне самой этой модели.

Часть VII — Теодицея

Классическая проблема зла — как благой, всемогущий Бог может сосуществовать со страданием — приобретает необычно острую форму в этой модели, поскольку Бог и фрагментированный мир не разделены: фрагменты суть собственные продолжения Бога, а не далёкие создания в отдельном мире. И всё же самая первая аксиома этой модели — что целостность постоянно, безостановочно уверена, изобильна и радостна — должна сохраняться без исключения.

Решение состоит не в том, что Бог остаётся *невозмутимым*, *несмотря на знание* каждого случая страдания (позиция, рискующая читаться как безразличие). Оно в том, что страдание **категориально неприменимо** к Богу: фрагментация, по определению, есть нарушение того самого канала, через который что-либо могло бы сообщаться обратно к источнику. Не существует места, в котором Бог мог бы зарегистрировать ограничение — не потому, что Бог предпочитает отвести взгляд, а потому, что ограничение — не тот род содержания, местом пребывания которого могла бы быть целостность. **Бог знает; Бог не воспринимает.**

Это означает, что модель может утверждать без противоречия: фрагментация производит реальное, фактическое, тяжёлое страдание в фрагментированной точке — и совершенство Бога никогда не подвергается никакому риску, не потому, что это страдание не имеет значения, а потому, что оно никогда не достигает места, где «иметь значение для Бога» было бы вообще связным описанием происходящего.

Часть VIII — Заключительное замечание о герменевтике

Этот документ был построен, задавая на каждом шаге вопрос: ведёт ли это понятие, будучи полностью рассмотренным, к единству или к разделению? То, что не прошло этот тест — иерархия, исключительность, наказание, безразличие, наряженное в трансцендентность — откладывалось в сторону, сколь бы глубоко это ни было укоренено в тех традициях, из которых эта модель заимствует свой словарь.

Это предлагается как явное заявление о методе, а не как утверждение о том, что было раскрыто то, что какая-либо данная традиция «на самом деле» имела в виду всё это время. Тот же самый тест следует применять к самому этому документу всякому, кто продолжает на нём строить.

Послесловие

Автор надеется, что этот документ сможет достичь умов, готовых проследить его рассуждение до собственного предложенного заключения, и что первая, скромная волна читателей, сделавших это, сможет просто своим примером сделать тот же путь более видимым и более доступным для гораздо большего числа тех, кто последует за ними. Ничто в этой надежде не требует обучения или убеждения в обычном смысле — лишь тихий факт примера, который всегда был тем, как самосозерцание и смирение перед руководством Святого Духа распространялись, где бы они ни распространялись вообще.

Понятое таким образом, расширяющийся круг умов, обращающихся к самосозерцанию, завершает нечто вроде обратной связи со Святым Духом, который, вместе с тем, чего достиг Иисус, став точкой встречи, названной в этом документе Христом, продвигает весь процесс дальше к единению. *Курс чудес* утверждает, что время, необходимое для этого возвращения, не обязательно должно быть столь долгим, каким оно может казаться изнутри фрагментации — что готовность, сколь угодно малая, есть единственное подлинное предварительное условие, и что подлинная, пусть и скромная, готовность может значительно сократить путь. Этот документ подтверждает ту же надежду в своих собственных терминах: от любого фрагмента требуется не мастерство, а готовность начать.

Сам этот документ доводит читателя лишь до начала этой готовности. Того, что было изложено — механики целостности, фрагментации и возвращения — достаточно, чтобы осмыслить первый настоящий шаг: устойчивое самосозерцание, доведённое достаточно далеко, чтобы открыть подлинную, прямую связь со Святым Духом, под каким бы именем читатель ни называл для себя эту связь. Настоящая работа

начинается именно там, а не здесь. С этого момента задача состоит попросту в том, чтобы следовать тому единственному пути, на который указал этот документ, непрерывно, столько времени, сколько потребуется — процессу, который этот документ не описывает и не может описать далее, находясь вовне его. Пробуждение, в этом смысле, есть не единичное событие, а непрерывное возвращение, и оно не заканчивается, пока не будет восстановлена сама когнитивная сингулярность.

Далее следует один из конкретных способов начать.

Приношение

Короткая физическая практика для одного или нескольких человек: один человек выполняет работу отпускания (**прощающий**), и — если присутствуют другие — один человек помогает (**помощник**). Это не разговор, не обсуждение, и не требует, чтобы кто-либо из двоих говорил, над чем именно работает прощающий. Ничего не нужно называть, объяснять или понимать — только почувствовать и отпустить.

Эта практика одинаково хорошо работает в одиночку и с другими. Замечание об обоих вариантах, а также о групповых условиях, приводится далее. Вся сессия обычно коротка. Она не задумана как требующая усилий или продолжительная.

Не только то, что причиняет боль

Обычно предполагается, что эта практика — только для болезненных чувств: горя, гнева, страха, всего, что явно тревожит. Это естественное, но узкое предположение — по той же причине, что уже установлена в Части VI: мир не есть положительное состояние, обмениваемое на отрицательное, а сам центр, не нарушаемый ни тем ни другим. Всё, что удерживается достаточно крепко, чтобы нарушить этот покой, может быть принесено таким же образом — включая чувства, которые вовсе не ощущаются плохими: гордость, ностальгию, воодушевление, даже привязанность к тому, что ещё не готов потерять. Если фрагмент замечает, что цепляется за нечто приятное, не в силах представить себя без этого — эта практика работает для этого точно так же, как для боли.

Что понадобится

- Небольшой, мягкий предмет, удобно помещающийся в одной или обеих руках — мягкий поролоновый мяч подходит идеально. Ничего твёрдого, ничего, что могло бы причинить боль при сжатии.
- Тихое место, где вас не потревожат.
- Никакой другой подготовки не требуется.

Прежде чем начать

Прочтите это руководство целиком вместе, один раз, перед началом. После этого не нужно ничего объяснять вслух во время самой сессии — шаги несут собственный смысл.

Подходит любое положение — сидя, лёжа, на коленях, стоя. Выберите то, что физически удобно. Это не важно «сделать правильно».

Как установлено в Части IV, к Святому Духу можно обратиться под любым именем, которое даст ему фрагмент — вселенская целостность, вечное единство, или просто то, что понимается как большее, чем удерживаемая боль. Именование здесь также подлинно второстепенно; важно само отпускание, а не то, к чему оно обращено.

Цель на всём протяжении — сам мир, а не обмен одного чувства на другое, лучшее: отпускание приятного — не утрата, о которой нужно скорбеть, а отпускание болезненного — не победа, которую нужно праздновать; и то и другое просто отпускается. Каждое приношение, сколь бы малым оно ни было, работает против реально накопленной инерции, а не против ничего — той когнитивной инерции, что описана в Части VI. Ожидать, что один сеанс растворит всё сразу, нереалистично, и это не требуется для того, чтобы практика работала. Малая, повторяемая готовность — это всё, что требуется.

Если какой-либо шаг начинает ощущаться неудобным, просто переходите к следующему. Ничего здесь не должно форсироваться или преодолеваться через силу. Здесь нет состояния неудачи — переход к следующему шагу раньше времени всегда является приемлемым вариантом.

Часть прощающего

1. Заметьте. Осознайте, что нечто нарушило ваш покой. Не нужно называть это, определять, или понимать, откуда это взялось. Достаточно заметить: *покой исчез, и вместо него здесь нечто иное.*

2. Держите это. Возьмите предмет и мягко прижмите его к груди, или туда, где вы больше всего чувствуете нарушение. Удерживайте там своё внимание. Позвольте предмету побыть с этим чувством — не для того, чтобы вытеснить чувство из себя, а просто чтобы предмет впитал в себя некий его след, подобно тому как удерживаемый предмет может немного впитать ваше тепло.

Пока вы его держите, тихо, само по себе, может происходить простое взвешивание — не обязательно облекать его в точные слова: *продолжать ли мне удерживать это, и вместе с этим удерживать дискомфорт, который его сопровождает — или я готов обменять это на мир?* Позвольте этому взвешиванию происходить в своём собственном темпе. Здесь нечего решать — есть только выбор, который нужно заметить, когда он будет готов быть сделанным.

В любой момент этого шага вы также можете обратиться внутрь себя и попросить — молча, любыми словами или вовсе без слов — чтобы вам показали или направили, как отпустить. Это не обязательно, и не требуется, чтобы что-либо произошло в ответ, чтобы шаг работал; это просто доступно, в любой момент, когда вы этого захотите.

3. Предложите это. Когда почувствуете готовность — когда взвешивание склонится в сторону, и вы предпочтёте мир продолжению удержания — слегка поднимите руки, удерживая предмет, и немного опустите голову. Это и есть приношение: не помощнику, а Святому Духу. Слова не нужны. Поза говорит то, что нужно сказать.

4. Позвольте этому быть взятым. Оставайтесь в этом положении приношения. Если рядом с вами помощник, он возьмёт предмет из ваших рук. Если вы практикуете в одиночку, мягко наклоните или разведите руки и позвольте предмету скатиться самостоятельно — движение отпуская займёт место рук помощника. В любом случае держите руки там, где они есть, слегка поднятыми, слегка открытыми, столько времени, сколько будет ощущаться правильным — не нужно двигаться сразу, как только предмет исчезнет. Пока его забирают или отпускают, вы можете позволить взвешиванию продолжаться: по-прежнему выбирая мир вместо того, что было на себе несено, по-прежнему готовы.

5. Завершите естественно. Когда это будет ощущаться завершённым, просто опустите руки и голову обратно в обычное, спокойное положение. Никакого сигнала ждать не нужно. Вы узнаете сами.

6. Завершите благодарностью. Устроившись обратно в покое, побудьте ещё немного и позвольте возникнуть чувству благодарности — настолько простому и беспредметному, насколько сможете. Оно не обязано быть благодарностью за что-то конкретное, и никакая причина не требуется. Если конкретная причина всё же возникнет сама собой, это тоже нормально — ничего здесь не следует форсировать в ту или иную сторону. Просто позвольте доступной благодарности побыть здесь мгновение, сколь бы слабой или ясной она ни была — и сессия завершена.

Часть помощника

(Если вы практикуете в одиночку, пропустите этот раздел — Шаг 4 уже описывает, что делать вместо этого.)

Ваша роль мала намеренно, и именно в этой малости суть.

- **Молчите.** Не спрашивайте, над чем работает прощающий. Не комментируйте, не догадывайтесь, не отражайте ничего обратно. Работа происходит между прощающим и Святым Духом — вы не участвуете в этом разговоре.

- **Наблюдайте и ждите.** Когда прощающий поднимет руки и опустит голову, это ваш знак.
- **Возьмите предмет.** Мягко возьмите его из его рук.
- **Отложите его в сторону.** Положите его куда-нибудь в стороне — особое место не требуется, достаточно любого места, где он больше не в руках прощающего.
- **Молчите и ждите.** Позвольте прощающему оставаться в своём положении столько, сколько ему нужно. Не торопите его, не подсказывайте ему завершить. Когда он сам опустит руки, сессия окончена.

Вот и всё. Ваше присутствие значит больше, чем что-либо, что вы могли бы сказать или сделать — именно поэтому от вас требуется так мало.

В группе

Эта практика не требует парного соответствия один к одному. При наличии нескольких человек один может выступать помощником поочерёдно для нескольких прощающих — принимая одно приношение, откладывая предмет в сторону, а затем просто обращая внимание на следующего человека, когда он будет готов начать. Каждый прощающий всё так же работает полностью самостоятельно; роль помощника не меняется, меняется лишь то, сколько раз она повторяется за одну сессию.

Заметка о темпе

Здесь нет установленной продолжительности. Некоторые сессии могут занять минуту, другие — дольше. Важно, чтобы ничего не торопилось и ничего не форсировалось. Если кому-либо из двоих нужно остановиться в любой момент, остановка всегда допустима.

Глоссарий

Термин	Значение в этой модели
Дух / Душа	Не отдельная субстанция в этой модели. Там, где эти слова обычно используются, этот документ применяет <i>когнитивную инстанцию</i> или <i>когнитивный принцип</i> — существует лишь познание.
Существование	Не свойство, удерживаемое предшествующей субстанцией; составляется самим когнитивным актом (ре-когниция). Никакое

	сочетание — душа, тело, разум — не стоит позади, удерживая открытое место.
Сингулярность / Целостность	Неразделённое, единое состояние познания; не пространственная плотность.
Реальное	Предельное, безусловное. Применимо исключительно к целостности.
Фактическое	Подлинно происходящее или имеющее место, без подразумевания реальности.
Богословская хроматографическая колонка	Метод, используемый для чтения старых повествовательных источников: снять культуру, образы и персонажей, в которых была рассказана история, сохранив лишь лежащее в основе абстрактное структурное утверждение. Отлична от теста на единство или разделение, который судит о том, что даёт колонка.
Творение	Собственное вечное самобытие Бога, предшествующее всякому распространению. Никогда не используется применительно к физической вселенной.
Осязаемый мир восприятия	Физическая, фрагментированная вселенная — осязаемая, но не реальная.
Множественность Единого	Распространение Богом новых, полностью наделённых силой, свободных когнитивных инстанций (Атманов).
Безграничность в квадрате	Бесконечность Атманов, каждый из которых независимо и нескончаемо саморасширяется; сводится к тому же единому процессу, разделяемому по умолчанию между всеми инстанциями.
Фрагментация	Внутреннее когнитивное различие; утрата целостности в данной точке. Фактическая, причинённая самой собой,

	изолирующая, временная, обратимая.
Демиург	Собственный слепой исследовательский импульс фрагментированного разума, порождающий физику, химию, биологию.
Святой Дух	Инстанция, назначенная помогать возвращению фрагментированной инстанции, достижимая любой подлинной просьбой независимо от имени или традиции.
Различение	Необходимая практика различения голоса Святого Духа (всегда в пользу единства) от голоса демиурга (ненадёжного, самого недостигнутого); которой несовершенно способствует относительный рост самосозерцания.
Карма	Структурное возвращение направленного действия в то единое поле, что его породило; механическое следствие единства, а не нравственная бухгалтерия, долг или наказание.
Эсхатология	Возвращение к когнитивной сингулярности, без исключения; космологический финал физической вселенной признаётся, но намеренно оставляется неразрешённым, согласно собственной герменевтике модели.
Христос	Точка схождения, образованная реинтегрирующимися фрагментами, сливающимися в одно; не только Иисус, но и то, чем Иисус стал — точкой встречи.
Любовь	Неоценивающее принятие; следствие целостности, которому не с чем соотноситься извне. Стоит рядом с уверенностью, изобилием и радостью, без утверждаемой иерархии.
	Свобода личности и идентичности

Прощение	Сведение ценности идентичности когнитивного объекта к нулю; уединённая операция, подтверждаемая исчезновением её автоматического телесного отголоска и миром, возникающим на его месте, а не искренностью намерения.
Мастерская	Обычное повседневное взаимодействие, понимаемое как постоянный повод для практики прощения — трение как сырьё, а не препятствие; пауза, доступная до точки невозврата, требующая лишь осознания и искренней просьбы к Святому Духу, а не полной идентификации того, что освобождается.
Смирение	Прекращение самого оценивающего/сравнительного процесса, в отличие от обнуления какого-либо одного объекта.
Когнитивная инерция	Тенденция подкреплённой линии мышления продолжаться по собственной накопленной инерции; по умолчанию движется в сторону ограничения и должна быть развёрнута постепенно большинством фрагментов, а не остановлена прямо.
Отречение	Схождение прощения и смирения в прямое знание себя, за пределами которого старая личность более не может поддерживаться.
Страшный суд	Единственное неоценивающее утверждение факта Бога — «ты цел(а)» — произносимое одинаково для любой инстанции по подлинной реинтеграции; его полная природа сверх этого намеренно оставлена Богу.
Приношение	Короткая физическая практика прощения, выполняемая в одиночку или с помощником: предмет удерживается против ощущаемого нарушения, затем

	приносится с позой поднятых рук и опущенной головы и отпускается, завершаясь беспредметной благодарностью.
Бог знает; Бог не воспринимает	Знание Бога есть бесконечная глубина в себя, а не широта над фрагментированным содержанием, которое категориально неприменимо к целостности.